

stella.ru
Германия

Л₇₇

© Вячеслав Лопушной. *Стихи разных лет*

Выпущено при содействии Международной гильдии писателей —
International Guild of Writers — Internationale Schriftstellergilde
<http://schriftstellergilde.org>

Германия: «stella.ru» 2011

© Все права защищены

Верстка, редакция и корректура текстов – автора

Иллюстрации: Василий Кравчук

Фото – из архива автора

© Дизайн обложки: В. Цветков

ISBN 978-3-941953-49-9

Вячеслав Лопушной

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

© Verlag «stella.ru»
Sindelfingen, Deutschland
2011

* * *

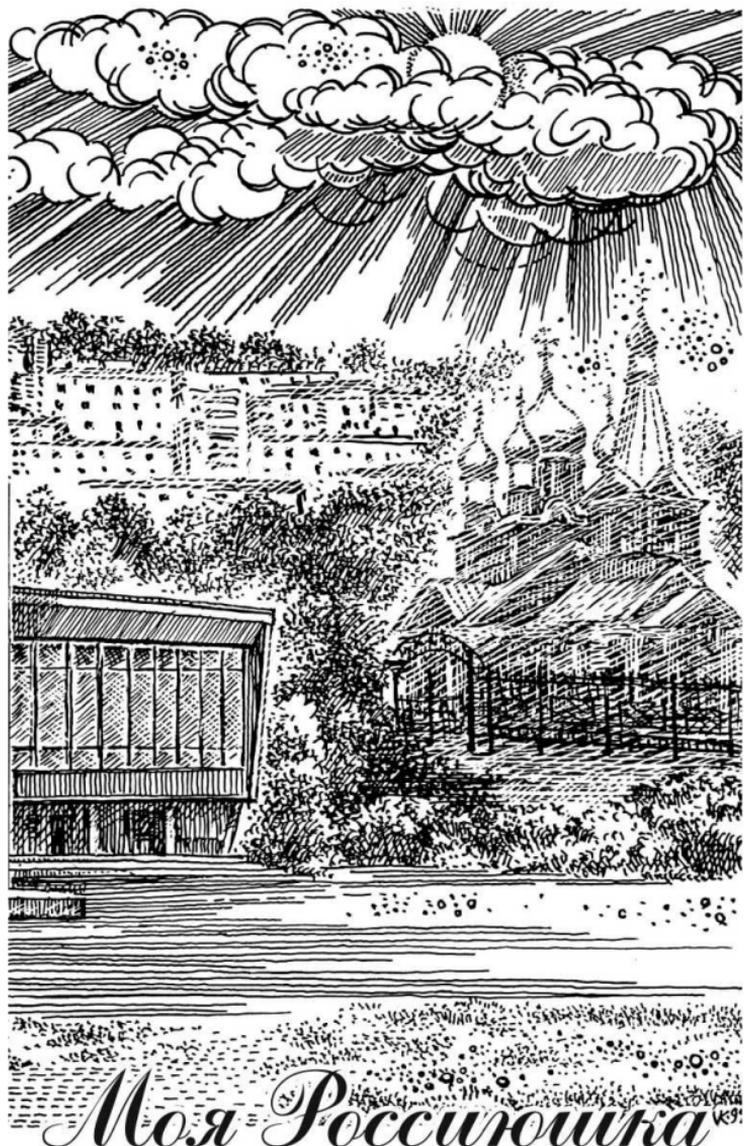
*Кто сказал, будто время летит,
Что ушло бесконечное лето?
Всё иначе: со скоростью света
Я лечу! Значит, время стоит.*

*Оглянусь... Как наивно порой
Добивался с неистовой силой,
Чтобы ближние так же любили
Всё, что сам полюбил под луной.*

*Век блуждать отрядил меня Бог –
Между грешной и Млечной Стезёю.
Жизнь светила и... была грозой!
Только выбрать я так и не смог...*

*И всё ж прибыл к сединам своим –
Полунищим российским поэтом.
И тому есть простая примета:
Не деньгами – словами томим.*

*Разве можно безумца унять
В сумасшедшем бескрайнем полёте?
Верю я: на декабрьском излёте
Поверну время зимнее – вспять!*

Моя Россияшка

Родительский день

Стаканы с мадерой и чаем,
Веселие в нашем окне:
Победы пять лет отмечаем.
И столько же от роду мне.

Звенит о войне, о России
Хрустальных мелодий венец:
Ведёт голос мамы красивый,
Басит, как умеет, отец.

Звучат немудрёные тосты.
И Козин грустит о былом.
Танцуют счастливые гости,
Как счастлив и я – под столом...

А диск патефона кружится:
Сквозь годы пластинка поёт.
Всё ближе становятся лица,
Слышнее далёкий фокстрот.

Глаза зачерпнули тумана,
На снимок гляжу фронтовой:
Такая красавица – мама,
И батя – орёл молодой!

1953 г.

Музыкальная память

53-й, март. Мне – восемь скоро.
Плач. Красно-чёрный цвет на рукавах.
Красивую мелодию в миноре
Сменяют речи – в радио-устах.

И я – малец, не помнящий тревог, –
Нашёл словечко. Звонко и невинно,
И что творя, не ведая, изрёк:
Да выключите эту говорильню!

...Вся наша коммуналка
поперхнулась!
И стал седым отец мой на глазах!
Мне в спину, будто холодом пальнуло!
А музыка вослед струила страх...

Нет, не берусь на прошлое пенять.
Я на судьбу не жалуюсь и нынче.
Но включают «Итальянское каприччо»,
И... ноги отнимаются опять.

«Мы живём, под собою не чуя страны...»

О. Мандельштам

Когда б он был чуть-чуть томим
Тщеславьем или малой славой,
То взял бы крепкий псевдоним –
В названье, может, драгметалла...

Взбирался, как Вергилий, он
К вершинам духа, непорочен.
А мог строфе доверить стон:
«Тебя хочу!» и – точка.

Стихи однажды посчитал
Он сочным мясом винограда.
Один тот сок его питал,
И стал един ему наградой.

Ему неведом был инстинкт –
«Спаستись!», – что людям дан от века.
И потому – за стих! – убит
По жесту Недочеловека.

Поэт для многих просто был –
Очкарик, слабосильный «кюхля».
Но строчку в свод острога вбил,
И... каземат не вынес – рухнул!

*...А в жёлтых окнах засмеются,
Что этих нищих провели.*

А. Блок, «Фабрика», 1902 г.

Как братством в нищете мы упивались!
Суля всё остальное нам вдали,
В высоких окнах, мнится, усмехались,
Что этих гегемонов провели...

Век изобилья! Вольниц – пруд пруди!
А в жёлтых окнах чают о народе,
О нём пекутся при любой погоде...
Но этих нищих снова провели!

* * *

Спадают ныне с прошлого покровы.
Пусть... Но милей – другая ипостась:
Чтоб ни одна «священная корова»
На нашем настоящем не паслась!

*Тамаре Рубцовой,
поэту из детского дома*

Вокруг двора детдома,
Как возле всех жилищ,
Собаки с лаем злобным
Большим гуртом вились.

Оголодали псины,
Как все, несли урон.
А нищая Россия
Глядела из окон.

Но вот в тумане мгlistом
Ватага из дверей –
Вихрастых голосистых
Детдомовских детей.

Псы вдруг на них – стрелою!
Порвут!.. Но встали в ряд,
Как лист перед травой,
И ну лизать ребят!

Всей шкурою косматой
Дворняжье естество
Узрело в сорванятах
Какое-то родство.

И от худых котлетин
Гурьбою отдают,
Что могут, наши дети,
Убогий наш приют...

Разделены опять мы –
На хижины, дворцы.
О Русь, тебя не вспять ли
Вновь тянут под уздцы?

В дуге – орел двуглавый
И триколор из лент,
И бубенцы державы,
Которой больше нет...

Ни бубны, ни мессии
Не выручат страны.
Спасут мою Россию
Такие ж пацаны,

Такие же девчонки –
Милее не найти –
Из нашенской сторонки,
И с Господом в груди!

*Александрю Зениткину,
кудеснику с гитарой*

Вот и грянули струны, летящие
Под могучею дланью твоей:
Эй, ребята, по полной налей!..
И на выдохе – наше, щемящее:

«Колыма», «Офицеры», «Рябина» ли... –
Полухрип, полустон, полукрик!
Шибче спирта хватая глубинное,
Ввысь летит забубенный твой клик!

Мигом взгляд застилает роса –
То ли нервы мои поизношены?
Но такую же влагой непрошеной
Забирает соседей глаза.

А в груди и светло, и мучительно:
Пропаду без тебя, моя Русь!
О российская жгучая грусть!
Что больше тебя? Что – спасительней?

В горле – ком... Не могу, не дослушаю
Сердце рвущие песни твои.
Что ж ты делаешь с нашими душами,
Сашка, душу твою разъедри!

*Леониду Гержидовичу,
поэту из глухой кузбасской деревни*

Домик твой на опушке прибился.
Этим пихтам ты знаешь года.
Весь в седилах, но не износился:
По глазам-то видать – хоть куда!

Всё именье – твоя половина
И собака по прозвищу Барс.
Ни тебе мебели, ни каминов...
Синь да тишь обнимают всех нас.

Чаю с таволгой, возле найдённой,
Пью. Губами ловлю каждый лист,
И твой стих – смоляной и ядрёный,
Точно спелый орех, запашист...

На Руси лепоту я повидывал,
И заморской не чужд красоте.
Но впервые теперь позавидовал –
Благоокой твоей простоте.

Домик твой неказистый затерян.
Рядом – речка, кедрач и зверьё.
Как твой путь богознаменный верен!
Как несметно богатство твоё!

О вечности и сапогах

«Ты – челозк, ну, блин,... физический,
Хоть и могёшь стихи слагать.
Я ж – до печёнок – поэтический!
Готов ты разницу понять?» –

Вот так, витийствуя в подпитии,
В бутылъ поэт Бодалов лез:
Без церемониев, язвительно
Мне намекал, что червь я есмь.

Слегка царапнуло под ложечкой,
Но не обида, в морду чтоб.
Пускай потешится немножечко:
Он прав отчасти, хоть и сноб.

Ведь сколько лет уже отмерено,
Как крест сомнительный влачу:
То тщусь творить я на бессмертие,
А то – «в зубах несущу», ловчу.

Я с властью никакой – Бог миловал –
Не выпивал на брудершафт.
Но выжимал улыбку милую,
Где власти в лоб хотелось дать!

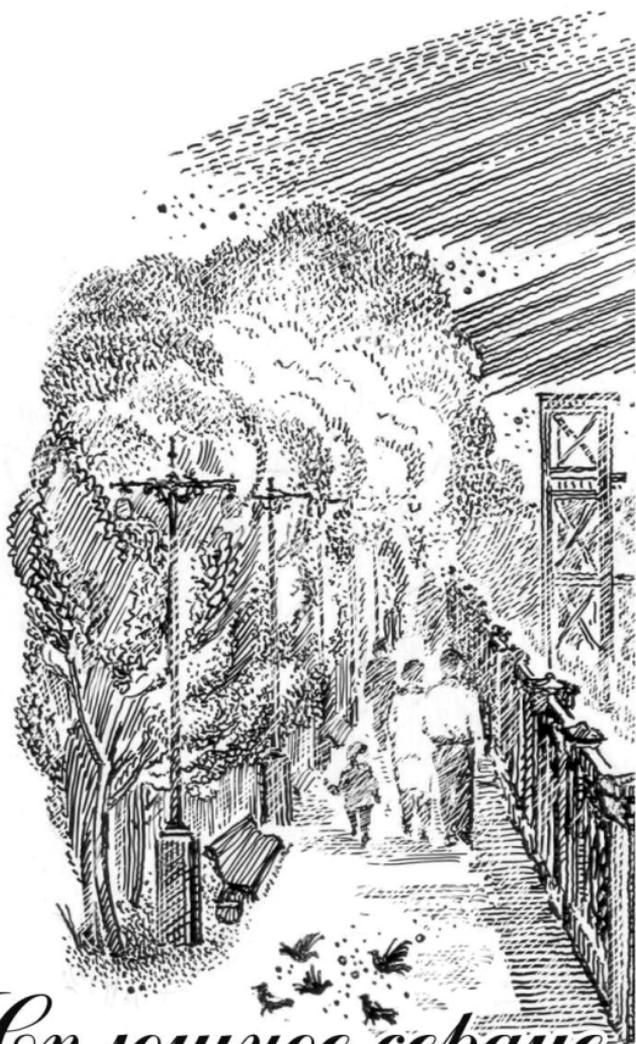
И в этом раздвоенье личности
Век умудряюсь доживать.
Имея голос, чту приличия:
Молчу, где надобно кричать!

Имею слишком справный вид,
Чтоб думать о какой-то вечности.
Бодалов прав до бесконечности:
Свободным должен быть пиит!

А что? У нас свобода полная –
Жевать свободно вар и жмых.
Всё! Хватит бить себя под дых:
Сам Пушкин кошт казённый пользовал...

В терзаньях сих всю ночь ворочаюсь,
Бумагу порчу на стихи.
А утром – дочь с женою в очередь:
«Гони, поэт, – на сапоги!»

Сплошное сердце

Неопознанное чувство

Твой адрес помню – сколько минуло? –
Утинобродский первый вал...
Тот ведал звукопись старинную,
Кто имя улице давал.

Мне в том названье зрились Блоковы
«Испытанные остряки»,
Их дамы-утки в мокрых локонах,
Привал весёлый у реки.

Шутить без меры было модою,
И я резвился в меру сил.
А в языке русачки гордя
Найти изьяны норовил...

Зачем незримо и безустово –
Неверующему Фоме –
Крест неопознанного чувства
Когда-то вверила ты мне?

И сединою убелённому,
Нести мне до последних дней
Нечаянно приобретённую
Тревогу на душе моей.

* * *

Я перечёл твоё письмо,
Какому четверть века скоро.
И вот опять, как обожгло!
Вновь подступило что-то к горлу.

Прости, что нежен не был я,
А был, скорее, просто грубым,
Когда расплёскивал до дна
Губами – губы.

Не одолел бы ни строки –
Их у меня не слишком много.
Но знай: они – мои стихи
Все родом из того ожога!

Вновь перечёл твоё письмо.
И вот опять, как опалило...
Оно болит, кричит само:
О Бог мой, как же ты любила!

Чудак

Я пианино в долг купил когда-то,
Не зная нот. И Бог лишь ведал как,
Через неделю... «Лунную сонату»
Сыграл тебе. А ты в ответ: «Чудак...»

В каком-то сне горячечном, за вечер,
Впервые взяв гитару, волшебство,
Но «Только раз бывают в жизни встречи»
Я подобрал. А ты мне: «Ничего...»

Быть может, это выглядело диким.
Но так, что пламя раздирало грудь,
Я спел тебе одной – «Сомненье» Глинки.
Или провыл... А ты: «Какая грусть!»

Как музыку – на теннисной площадке –
Творил аккорды редкой красоты:
Я превзошёл себя на два порядка!
Но молча за игрой следила ты...

Я забузил. Напился. Потерялся.
Залёг на дно. Ни слова. Ни гу-гу...
Тогда твой голос рядом вдруг раздался:
«Прости, но без тебя... я не могу!»

Обыкновенная история

Пианино старое скалится,
Если с клавишей... пыль стирается.
Откликаюсь шуткой старинною:
Ты мелодию стёрла – дивную!
Шкаф стеклянно глядит клавирами:
Как любила ты музицировать!
Как взлетали бемоли с диезами
За перстами твоими нежными!...
Позабыты твои Бетховены,
Зато дети наши ухожены.
Все пожухли пиесы Шуберта,
Зато – ах! – твоя сельдь «под шубою».
Спит на полках Шопен с этюдами,
Стали торты твои – ноктюрнами...
Успеваю на разных поприщах.
Ты ж – полжизни в корыто смотришься.
Без дворян моя родословная,
И владею лишь... русским словом я.
А тебе бы сиять графинею:
Ты ведь гордая, ты – красивая!
Все твои благородны линии,
Точно времени клавесинного.
Я не дал и частицу сотую...
Что, милая? Куда слазить?
Какой ещё погреб?!
Вечно встрянешь ты! – Я работаю!

Старый Новый Год

За бокалами – губы сомкнём в эту ночь.

Год, как в детстве – неделя,

уносится прочь.

Десять лет пролетает, как в юности – год.

Счастье? – Вот оно! Только...

в сачок не идёт.

Гонишь ты паутинки с углов своих век.

А считала, что юною будешь навек.

Кто чело так искусно мое бороздит?

А я думал, мне осень совсем не грозит.

Не успели друг друга мы чуть пригубить,

А так мало, так мало осталось любить!

Не вчера ли шумели малышка, малыш?

Улетели. И в доме – щемящая тишь...

Нам от Господа шло иль так выпала масть,

Чтобы вкусное в клювики детские класть.

По кирпичику сложен надёжный очаг.

Всё как надо у нас. А пред Богом – не так.

Вот и в сердце сегодня пробрался мороз.

Но с вином на губах –

соль спасительных слёз...

Романс для двоих

Давай взлетим поперх кудлатых туч –
Туда, где льнёт к губам горячий луч!
Вчерашнее – не надо, не иначе.
Сотрём с лица всю горечь неудач.

Опять сольются наши голоса
И вновь забьются радостью сердца.
Растает мигом застарелый лёд,
И вместе души ринутся в полёт!

Пускай до слёз возьмёт сплошной наив!
Пусть, как вино, в груди густой мотив.
Твоё сопрано и мой хриплый бас:
Спасительны созвучия для нас!

Давай взлетим поперх кудлатых туч –
Туда, где льнёт к губам горячий луч!
Быть может, это наш последний шанс:
Нам на двоих назначенный романс...

Сонет в сентябре

Горит сентябрь... Не поздно и не рано
В сердечный слог и статью, и кровь облечь,
И бархат глаз твоих, сиянье плеч –
Все самоцвета радужные грани!

Я помню первозданность юных щёк.
Через годы – чистота неуязвима.
Но тайну глубины необъяснимой
Доныне разгадать в тебе не смог.

Мелодии улыбки и печали
И нежности, и страсти – всё сначала –
Хотел бы взять в серебряный клавир.

В твоём молчанье – обморок органа.
Ты вновь открыла истину в любви
Мне в сентябре – не поздно и не рано...

Анюта

Ты выбирала нас предолго,
Летая где-то меж планет.
И вот, ниспосланная Богом,
Явилась нам – на белый свет.

В свои три месяца от роду
Гляделась пристально в меня.
Неужто ведала, как я
Жил без тебя все эти годы?

И вот уже шагаешь рядом
Ты, Галатеи ипостась.
А-ню-та – вышним звукорядом –
Бессчётно повторяю всласть!

Пора придёт, и станешь взрослой.
Дай Бог – увидеть не во сне
Нимб, заплетённый в эти косы,
И чуть побыть в твоей весне.

А перед тем, как возлечу,
В последний миг прощальной грусти,
Ты – знаю – веки мне опустишь.
И выше – счастья не хочу!

* * *

Когда случилось, я не знаю.
Но изменилась дочь моя:
Была своя, была ручная,
А стала, вроде бы, ничья.

Давно ли губки подавала
Ты мне забавно перед сном?
А нынче – будто бы устало –
«Мы» еле щёку подаём.

«Я вам не кисонька, не рыбка!»
До срока нежностям конец?
Смешно, наверное, но шибко
Грустит об этом твой отец...

Ты встретишь суженого, дочка,
Чтоб мамой ласковою стать.
Но сердце глупое не хочет
Тебя на волю выпускать.

Оно, наивное, стремится,
Пока не выгорит дотла,
Чтоб вечно – редкостною птицей –
В моих ладонях ты жила.

* * *

Семнадцатый твой вешний лист...
Прости мне, дочь, за всё, что было:
Ведь небожитель легкокрылый
Я – чаще, чем матерьялист.

Кант узаконил идеал:
В нас нет иного, кроме – неба.
Но тот, кто слышит звёзд хорал,
Порой не думает о хлебе.

Что ж... У кого-то – лучше виды.
В груди не взращивай завиды.
Твоих сокровищ – не отнять:
Всё дал Творец, отец и мать.

Дитя желанное, свет мой,
Бог не любить тебя не может!
Как и родитель грешный твой –
И сердцем, и душой, и кожей...

Беломорская богиня

Лёнушка-Лёля-Олёна-Олёнка!
Тёплое имя в холодной сторонке.
Губы отверсты и формы отлиты:
Барышня Северная Афродита!

Дивное имя катая по нёбу,
Точно слепой, попадаю в сугробы.
Вот наважденье! Не спрячу – не скрою:
Что сотворила богиня со мною!

Имя твоё – это значит, «как факел»!
Можешь – цыганочку, можешь – сиртаки.
В круге с тобою – и этак, и так:
Близко к тебе не прибиться никак.

В косах – Стожарами бродит сиянье.
Только напрасны уловки-старанья:
В руки, в полон огонёк не возьмёшь –
Руки, того и гляди, обожжёшь!

Кажется, искрами воздух прострочен!
Бог разрешил ей носить эти очи?!
Два Белых Моря там плещут безбрежно.
В них утопаю. Боюсь – безнадежно...

За пределами Ойкумены

Песок служил нам тёплой постелью...
Ветер морской щедро
нам отдавал, жадным,
виноградников диких запах –
нам, беглецам, сокрытым
причудливой тенью листьев.
Мои обожжённые губы
делали грудь твою непокорной,
когда мы переплетались!
И шёпот волос твоих медных
никак не давал мне покоя!
Казалось, двумя телами
мы заполняли пространство
всего необъятного Мира!
И время струилось, поскольку
мы течь ему позволяли...

Сибирская южанка

Скорей всего, случайно
В глазах зелёно-чайных –
Твоих эдемских, дева, –
Я вдруг увидел древо.

На нём, не увядая,
Плоды благоухают.
Но есть такое чувство –
Там солнцу всё же грустно.

Посыл земли той дальней –
В улыбке инферальной,
Во взоре том восточном,
Оливковым и сочном.

Вина ли золотого,
Безумно дорогого,
Букет в тебе хранится?
И звёздами искрится!

Боюсь, и Модильяни
Про-пал бы в том тумане.
И он бы эти очи
В века отправил – точно!

Брату меньшему

Судьбою неисповедимой
В подарок ли, в испыткок дан –
Ты мне, добрейший злыдень Тима,
И благородный хулиган.

Породе графской знаешь цену
И гордо держишь «статус-хво...»
Хозяев ты считаешь, верно,
Прислугой графства своего.

Но если, нервами стреножен,
Приду домой, горяч зело,
С моей – кирпич просящей – рож
Ты мигом слизываешь зло.

Ты любишь так непостижимо,
В тебе такой любви запас,
Какой всегда бы в этой жизни
Дай Боже каждому из нас!

*Отраженный
свет*

Эхо

Когда в невидимом чаду –
Обмана, серого лукавства –
Дышать совсем неумогу,
Я вспомню музыку пространства,

Где, точно снег на Покрова,
Душа той кипенью горела,
Где были искренни слова,
И невесомость знало тело.

И вдруг покажется на миг –
Как с плеч упала камня груда, –
Что эхо отроческих игр
Плывет из дальнего Оттуда.

Опять лечу во сне, как встарь.
И там, на грани совершенства,
Тех лет негаснувший янтарь
Струится по сердцу блаженством.

И снова руки надо мной,
Что незабвенно пахнут мамой!
О удержи, прошу, Бог мой,
В плену янтарного тумана...

И об ушедшем не скорбя,
Вновь улыбаюсь я спросонок,
Как улыбается ребёнок
От осязания себя.

Нечаянный свет

Земля до кости омыта
Дождём без конца и края....
А пёс – Квазимодо бездомный –
Забился в саду под скамейку.
И шёл по аллее пустынной
Двуногий – в пальто нараспашку,
Со зверским лица выраженьем.
В руках у него – добыча:
Увесистый круг колбасный.
Внезапно тому Квазимоде
Он бросил сей круг под лавку:
Швырнул он в сердцах, сердито,
Как будто бы бросил камень.
Пёс дёрнулся было с испуга...
Но вдруг от косматой шкуры
Нечаянно отделилось
Свеченье – радужной струйкой.
И отблеск того сиянья
Коснулся двуногого зверя,
Вернув его в человеки...

*Наталье Добрыниной,
барду*

В твоей улыбке прячется Пьеро,
А в голосе – осадок боли давней.
И, кажется, в тебе самой – ядро:
Клубок из силы, слабости и тайны.

И мнится, что порою ищешь ты
Не звуков оживающие строчки,
А где-то высоко в горах – цветы
И эхо за пределом многоточий...

В прожилках узкой легонькой руки
Как будто, заблудился ломкий лучик.
В тебе таятся гроздья, глубоки,
Пока еще не найденных созвучий.

В твоей улыбке прячется Пьеро,
А в голосе – кристаллик боли стылый.
Но от струны лучится серебро,
Как таинство печального посыла...

Изабелле Юрьевой

Задумчиво и безманерно,
Туманный излучая свет,
Глядела женщина с конверта
Пластинки – сквозь завесу лет.

«Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты...» –
Полузабытое дыханье
Возникло... Смолкли я и ты.

То восходил, то плыл пиано
Тот голос. И казалось, что
Её мы слышали недавно:
Тому назад лет, может, сто.

И звуки осязались кожей,
И перехватывала грудь
Её, граничащая с Божьей,
Неисчерпаемая грусть!

Памяти Аллы Зибольд

На тихой площади когда-то
Без мам играла детвора.
Порой – гитарами ребята
Бренчали в сквере до утра.

А в доме рядом, голосиста,
Ну, прямо чистый соловей,
Жила – на пенсии – актриса.
И тем обязаны мы ей,

Что каждый тёплый вечер лета,
Как зажигала свет луна,
Шло представленье оперетты...
Бесплатно – из её окна.

Она самозабвенно пела,
Что влюблена, что хороша.
И к звёздам, кажется, летела
В минуты те её душа.

В полон не всех, конечно, брал он –
Её пронзительный вокал:
Кричали снизу «бис!» и «браво!»,
А кто-то – пальцем у виска...

Другие ныне чтут харизмы,
И ритмы новые в ходу.
Смешно – увидеть в том беду,
Впадать нелепо – в укоризны.

Хочу кому-то приподнести,
Охапку песен – сочных старых,
Букет вечнозелёных арий,
Что в воздухе витают здесь.

И мнится мне – пускай наивно –
Такой сюжет не в первый раз,
Что голос той певицы, дивный,
Однажды чью-то душу спас –

От лиха, Бог не приведи...
У музыки святая сила:
Немыслимо – послушать Сильву
И... на злодейство вслед пойти.

Не запоёт актриса больше –
В небытие ушла давно.
Но отчего-то – нет да брошу
Свой взгляд в знакомое окно.

Токката фигуриста

Вы помните? – К небу устремлён
в мольбах,
Заламывающий руки,
парень тёмнорусый...
Впервые надо льдом звучит Бах:
Плывут страсти Иисусовы!
В своих посылах красноречив,
В воздухе зависающий,
Он выше верхнего «до»... молчит!
И падает ниц, страдающий...

*«Поэт вырывает всё лучшее из своей жизни и кладёт в стихи.
И потому стихи его – прекрасны, а жизнь – дурна...»
Л. Толстой*

Послание своей половинке

Как повезло тебе, мой светик ясный! –
Меня вдруг осенило с бодуна:
Пока не все стихи мои – прекрасны,
То жизнь моя – не полностью дурна!

---

* * *

Мне однажды, как молния, ночью,
В час, густая когда чернота,
Вдруг сверкнули заветные строчки!
Но... смыкала уста немота.

Сколько лун, сколько раз я – бесщётно –
Наяву их стремился найти!
Но, боюсь, только отсвет залётных
И сумел до листа донести...

ПАРИЖСКИЕ ЭТЮДЫ

Нотр-Дам

Запах готической розы,
Краски бездонные витража,
Органа струящиеся слёзы...

И холод той башни, почти в небесах,
Где – в кватроченто! –
По камню, чеканно,
Было начертано кем-то: «АНАНКЕ!»*

Здесь тысячу лет вершат литургии,
И все поклоняются Матери.
Здесь Квазимодо звонил в «Марию»,
А Смерть бушевала на паперти...

Сердце моё захолонуло-сжалось,
Пришла неизбывная жгучая жалость.
То – горечь сочится судьбы безымянной,
В века уронившей когда-то: «АНАНКЕ!»

---

*Ананке (греч.) – рок, надпись, найденная В. Гюго в соборе, из чего и родился его великий роман.

В Лувре

Сторожа у «Джоконды»,
колпак и кондишэн.
За бронестеклом –
улыбки не слышно.
Господи!
Как же ей душно,
одинокое и скучно!
О, если бы знал Леонардо,
что эту улыбку оценят
в пятьдесят миллиардов!
Кто больше?
Цена как цена.
Столько стоит теперь
небольшая война...
Скорее, пожалуйста,
в другую Галактику
ей дайте визу!
А в горле комок:
Прощайте, ЛИЗА...

Никогда больше...

«Шарль де Голль» – блистающее кольцо!
И прямо во чреве его
вдруг замедлился времени бег...
За прозрачной стенкой крохотного кафе
двое ничего не замечали:
Он смотрел в сияющие глаза,
глаза, что вобрали в одно –
всей Вселенной негаснущий свет!
Кофе стыл позабытый.
Но сжигало язык
смертельное безумство поцелуя!
Слёзы омывали её лицо,
Сошедшее из Ренуаровой «Ложи».
Внезапно меня пронзило:
Больше никогда Её не увижу!
Но под моими ногами
уже стрекотала серебристая дорожка,
плывущая к самолёту...
И горечь потери на моих губах
больше ни на миг не исчезает...

ИСПАНСКОЕ ЛЕТО
рок-опера-трагифарс

Действующие лица:

Герой – стареющий художник из России – героический тенор.

Кармен – молодая испанка, певица и танцовщица фламенко – высокое сопрано.

Испания, г. Аликанте. 21-й век.

1. Пролог летописца

Приятель мой историю поведал,
На родину из странствий возвратясь,
Там сжёг его испанской страсти ветер...
Я в музыку облёк его рассказ.

Кармен! Она жива в любую эру!
А рядом – должен быть её герой!
Вот потому и отзвук хабанеры
В строку мою врывается порой,

Любовь и грусть, и боль, и смех, и счастье...
Своим героям снова я дивлюсь:
Они уже за гранью чьей-то власти,
Я вместе с ними плачу и смеюсь.

2. Рондо страсти

Посланница иной – минувшей – эры...
Не знаю, наяву или во сне
То девочкой... то пылкою гетерой...
Синьорою являешься ты мне.

У храма Сан-Николас де Баре
И вправду нагадала мне цыганка,
Что где-то здесь, на шумном суаре,
Я повстречаю жгучую испанку...

Ты меж гостей задумчиво сидела.
Руки твоей нечаянно рука
Моя коснулась... Вольтова дуга
Воспламенила душу мне и тело!

Тебя послал мне жаркий Аликанте,
Чтоб растопить в усталом сердце лёд.
Твоё густо-медовое бельканто
К неведомому берегу зовет.

Ты для меня – и сладость, и мученье,
И вся, как будто, солнечный удар!
Опасное твое прикосновенье
Вселяет первобытный дикий жар!

Терзать хочу я губ цветок пунцовый,
Напиться соком кожи допьяна!
И – это невозможно! – снова, снова
По телу сумасшедшая волна...

Все естество твоё озарено
Звучащим светом. И порою мнится,
Что в Маху Гойи перевоплотиться
Тебе самой природою дано.

Венеру бы открыл в тебе Веласкес,
Мадонну б Сурбаран узрел – свою!
А у меня, боюсь, не хватит красок,
Чтоб кистью душу выразить твою.

Синьора? Синьорина? Синьорита?
Неистовая музыка огня!
Ты – Божие посланье, Карменсита?
Иль – дьявола подарок для меня?..

Неправда, будто скоро осень, холод.
Ведь кровь из жил выплескивает вновь!
Я непреложно, бесконечно молод!
Пылай, моя безумная любовь!

3. Болеро Кармен

Боюсь, мне речи не достанет.
Таких, как ты, не знаю слов.
Пусть огневой испанский танец
Всю изольёт мою любовь...

Я – ранний плод под солнцем юга.
Уже не верила почти,
Что встречу истинного друга,
Мой кабальеро из мечты.

Я не страшусь тебе открыться,
Всю душу до конца излить.
Да, раньше я могла влюбиться...
Не знала, что смогу любить!

И в нашем возрасте, и в странах
Различия не вижу я.
Люблю тебя. И я – желанна.
И крик в груди моей: твоя!

Все для тебя мои обличья:
Наряд, и образ, и колор.
Кармен я... Донна... Беатриче...
Как пожелает мой сеньор.

Порой в глазах твоих читаю
Я... неуверенность во мне.
Другого способа не знаю,
Как сжечь её в моем огне!

К тебе невероятно тяга.
Ты – мой мужчина, мой герой.
И ни один на свете Яго
Не помешает нам с тобой.

Меня сомнения не мучат.
Но вдруг... охватывает дрожь:
А если я тебе наскучу,
Ты отвернёшься и уйдёшь?

Нет, не снести с тобой разлуку.
Учиться заново ходить?
Скорей – для всех я стану куклой.
Скорее – перестану жить!

С тобою рядом дни и ночи,
Кем ты захочешь, быть учусь.
Я - глина, ты – Буанаротти!
Я потерять тебя – боюсь!

4. Пиццикато сомнений

Карменсита! Что с тобой случилось?
Ты сегодня вовсе не моя.
И глядишь, как будто сквозь меня.
Вся необъяснимо изменилась.

Что моей Кармен мешает жить?
Не дает покоя зов Мадрида?
На твоё фламенко, может быть,
Королевский двор имеет виды?

На большой арене выступать...
Жаждешь ты оваций... Мило очень!
А потом – к столу себя подать?
Танец живота? – Буэнас ночес?

Не гляди тоскливо за окно.
В Аликанте или Барселоне
Всем потребно от тебя одно:
Тело, тело иль... с него купоны.

Как же мог поверить я, глупец,
В то, что любишь, в то,
что чувство – свыше,

Что сильна ты духом, наконец?
Боже милосердный! – Ты не слышишь.

Если б знал Творец, как я хочу,
Чтобы Карменсита прежней стала!
Я, медведь, – увидишь – разучу
Танец болеро с тобою к балу.

Ты сегодня вовсе не моя.
Даже не достать тебя рукою.
Ищешь нечто позади меня.
Этой ночью страшно мне с тобою!

5. Каприччио ревности

Быть красивой – это божья кара!
Этот крест повсюду носишь ты:
От Парижа и до Гибралтара
На тебя глядят, разинув рты.

Ты умеешь просто, без искусства,
Ветреной иль строгою предстать.
Но не избежать оскалов гнусных,
Если комплименты ожидать.

Красота твоя невыносима!
В мире, столь жестокостью больном,
Рядом с восхищением – насилье,
Если... не в обличии одном.

Нет. Не скоро век мгновений чудных
К нам вернётся сызнова, мой друг.
О Кармен! Тебе порою трудно?
Но тому, кто близок, – больше мук!

Если ты жемчужиной любим,
Странное – не правда ль? – это счастье:
Непрерывно чувствовать отчасти
Псом себя – цепным, сторожевым.

Как мне этот горький вкус избыть!
Отпускаешь ласки в малых дозах?
Так рябину, прежде чем убить,
Подслащают первые морозы.

Грусть-Любовь, как близнецы Сиам,
Янус, что с двуликой головой.
Где звезда, что нам с тобой сияла,
Что плыла высоко над толпой?

6. Эпилог героя

И вновь минор в последней части.
Простите мне мой скорбный вид.
Нет, не убил я, не пугайтесь.
Донна ля мобиле? – Летит

В Мадрид, где жизнь, вестимо, слаже,
Куда рвалась она всегда.
А с ней, наверное, на страже
Тореро, что не мне чета.

Дай Бог ей только не разбиться.
Авось, и вспомнит тот привал:
Её, подраненную птицу,
Дыханьем я отогревал.

Твержу себе: в ней всё обманно –
И взгляд, и жест, и смех, и грусть...
Но на развалинах романа
Зачем ищут останки чувств?

Моя шальная круговерть
Остановилась, я излечен:
Не может обморок быть вечен,
Иначе... он зовётся смерть.

В тот день, конечно же, прекрасный
Вступил в ребро коварный бес,
И воспарил я до небес.
Скорее вновь – к холсту и краскам.

Пушкой Кармен меня простит,
Ей тоже потерзал я душу:
В испанку – Север занести
Нельзя, ничто в ней не нарушив.

Прощай, цветущий Аликанте!
Здесь может каждый человек –
Аборигены, эмигранты –
Недурно скоротать свой век.

Но мне милее – снег России.
Не климат – зной и шумный люд.
Я одиночество люблю,
Как праздник грустного посыла.

Навряд ли этот уголок
В родных пенатах будет сниться.
Да мне опять уже звонок:
Ох, поясни-и-и-ца!..

Мой словарь

*Если не могу отринуть муку,
Если неудачами ведом,
Я кладу на эту книгу руку:
Мне ладонь согреет старый том.*

*Я иду в Словарь Великорусский –
Золотые россыпи мои,
Омывая этой горней грустью
Душу от запёкшейся крови.*

*В Словаре моём, как будто в Правде,
Снова силу прежнюю беру,
Веру и надежду... Боже правый!
Укрепи в несправедном миру!*

СОДЕРЖАНИЕ

Кто сказал, будто время летит...	4
<i>Моя Россияшка</i>	
<i>Родительский день</i>	6
Музыкальная память	8
Когда б он был чуть-чуть томим...	9
Как братством в нищете мы...	10
Спадают ныне с прошлого...	10
Вокруг двора детдома...	11
Вот и грянули струны, летящие...	13
Домик твой на опушке прибился...	14
О вечности и сапогах	15
<i>Сплошное сердце</i>	
Неопознанное чувство	18
Я перечёл твоё письмо...	19
Чудак	20
Обыкновенная история	21
Старый Новый Год	22
Романс для двоих	23
Сонет в сентябре	24
Анюта	25
Когда случилось, я не знаю...	26
Семнадцатый твой вешний лист...	27
Беломорская богиня	28
За пределами Ойкумены	29

Сибирская южанка	30
Брату меньшему	31
<i>Отражённый свет</i>	
Эхо	33
Нечаянный свет	35
В твоей улыбке прячется Пьеро...	36
Задумчиво и безманерно...	37
На тихой площади когда-то...	38
Токката фигуриста	40
Послание своей половинке	41
Мне однажды, как молния, ночью...	42
<i>Парижские этюды</i>	
Нотр-Дам	44
В Лувре	45
Никогда больше...	46
<i>Испанское лето</i>	47
1. Пролог	48
2. Рондо страсти	49
3. Болеро Кармен	51
4. Пиццикато сомнений	53
5. Каприччио ревности	54
6. Эпилог героя	56
<i>Мой словарь</i>	58

Вячеслав Лопушной. *Стихи разных лет*

е-mail и сайт автора:

lopushnoy@mail.ru <http://www.lopushnoy.ru/>

© Verlag «stella.ru»

Max-Liebermann-Weg 14

71065 Sindelfingen

Deutschland

<http://stella.ucoz.de>

lnbg@ya.ru

Tel. +49 (0) 7031 4282498

ISBN 978-3-941953-49-9

9 783941 953499

